

Глава 3. Особый допрос

Дин Цзюй и Ли Чаншэн сидели вместе, через одностороннее зеркало наблюдая за происходящим внутри. Устройства наблюдения и записи были выключены, поэтому они не знали, о чём говорили Юй Сюэ и Чжао Чэнху. Они лишь видели, как И Ши молча подошёл, схватил Чжао Чэнху за волосы и сжал в руке шариковую ручку, готовый в любой момент нанести удар.

Сердце Дин Цзюя заколотилось, и Ли Чаншэн, сидевший со скрещенными ногами, тоже придвинул свой стул ближе.

— Как думаешь, что этот парень собирается делать?

— Ну... он точно не будет бить Чжао Чэнху в глаз, — ответил Дин Цзюй.

— Это точно, а Чжао Чэнху не боится смерти, пытки на него не подействуют.

— Тогда почему, по-твоему, он пытается таким образом напугать Чжао Чэнху? — спросил Дин Цзюй.

— Разве ты ещё не догадался? — Ли Чаншэн согнул указательный палец и постукивал им по столу. — Он просто пытается его запугать.

Юй Сюэ скрестил ноги и неторопливо пролистал несколько документов.

— Бросили школу в двенадцать, в пятнадцать попали в колонию для несовершеннолетних за

грабёж, получили пять лет за умышленное нанесение телесных повреждений после того, как стали совершеннолетним в восемнадцать. Вы хорошо вели себя в тюрьме, вышли на свободу в двадцать два, снова попали туда в двадцать четыре за убийство, а вернулись в общество в тридцать лет. Ваше резюме впечатляет, да? Тюрьма ваш дом? Часто ли вы возвращаетесь, чтобы навестить её?

Как раз в тот момент, когда Чжао Чэнху собирался произнести «блядь», рука И Ши, державшая шариковую ручку, тут же опустилась на сантиметр. Выражение его лица не изменилось, а в тёмных глазах не было ни предупреждения, ни угрозы, только безразличие. Казалось, что проткнуть глаз Чжао Чэнху было для него обычным делом.

Чжао Чэнху яростно смотрел на него, проглатывая матерные слова, что плясали на кончике его языка.

Юй Сюэ перевернул очередную страницу, его тон был спокойным и неторопливым. Если бы кто-то услышал его голос, то представил бы себе, как он лежит в кресле под тенью летних деревьев, обмахиваясь веером, и болтает со старым другом.

— Родители в разводе, мать снова вышла замуж, отец женился ещё раз, перебрасывая вас между собой, как футбольный мяч. Никто не хотел о вас заботиться, и вас воспитывала бабушка. Неудивительно: окружение формирует человека. У вашего сына нет таких забот. Во всяком случае, вы не получили свидетельства о браке. За кого бы ни вышла его мать, это не имеет значения.

Услышав, как этот чёртов полицейский упоминает его сына, Чжао Чэнху снова захотелось выругаться. В тот момент, когда он открыл рот, рука И Ши опустилась на пять сантиметров, и шариковая ручка с синим чернильным наконечником оказалась прямо перед его глазами.

Его рука была очень твёрдой, как у хирурга, привыкшего держать скальпель, и несколько минут висела в воздухе, не шелохнувшись ни на миллиметр. Он напоминал точный инструмент, полностью подчиняющийся приказам. Эти глаза были сканерами, они улавливали движения

рта Чжао Чэнху и немедленно переходили в режим атаки.

В сочетании с его потрясающе красивым лицом долгий взгляд на него вызывал странное демоническое чувство. Руки Чжао Чэнху постепенно покрылись мурашками. И Ши не выглядел человеком: в его теле, глазах и выражении лица не было ни тепла, ни эмоций. Это лицо больше походило на картинку, а если снять маску, то под ней окажутся плотные микросхемы и провода.

Он ничего не боялся.

Ли Чаншэн налил себе чашку горячей воды из автомата и сел обратно. Дин Цзюй по-прежнему был озадачен.

— Почему капитан Юй продолжает говорить, а Чжао Чэнху не произнёс ни слова? Разве он не из тех, кто ругается как пулемёт?

В предыдущий час Чжао Чэнху был настолько агрессивен, что проклял предков двух офицеров предварительного следствия до восемнадцатого колена.

— Скорее всего, он не может говорить, — кивнул Ли Чаншэн, — шариковая ручка И Ши находится прямо над ним. Он боится, что если откроет рот, то его глазное яблоко пострадает.

— Боится? — Дин Цзюй был ещё больше озадачен. — Разве ты не говорил, что пытки на него не действуют?

— Да, если бы это были настоящие пытки, Чжао Чэнху, будучи крепким парнем, смог бы их выдержать. В худшем случае он умрёт и утащит за собой полицейского, и он будет считать это

победой, — Ли Чаншэн внезапно сменил тему: — Эй, ты когда-нибудь видел японский фильм ужасов, стилизованный под псевдодокументальный, под названием «Портрет смерти»?

(Японский фильм ужасов, вышедший в 1988 году и известный своим уникальным и тревожным изображением ужасов в стиле документального кино.)

— А? — Дин Цзю покачал головой и ответил: — Нет.

— Тогда тебе стоит посмотреть. В одном из сюжетов, «Банцзы», есть трёхминутная заставка с голубым экраном, на котором показывается фрагмент новостей. Каждый раз, когда сигнал отключается и обновляется, выражение лица девушки в новостях меняется.

— А потом?

— А, это сложно объяснить. Тебе лучше самому посмотреть на телефоне, мы сейчас всё равно не нужны.

Дин Цзюй достал телефон, нашёл фильм ужасов и, посмотрев «Банцзы», внезапно понял, что пытался донести до него Ли Чаншэн.

По правде говоря, по-настоящему страшным было только лицо призрака в искажённом сигнале, но людей смущала атмосфера ужаса, царящая в фильме. Статический шум, долгие периоды голубого экрана, грубые, постоянно дрожащие кадры — всё это нагнетало напряжение, заставляя зрителя затаить дыхание и быть начеку, а окружающий воздух постепенно становился жутко холодным.

Этот период было труднее всего выдержать. Даже после того, как мимо промелькнуло

призрачное лицо, долгий голубой экран не отпускал, не давая расслабиться, и всё время приходилось быть начеку, ожидая, что этот ужасающий сегмент новостей появится снова.

Подняв глаза, он увидел, что треугольные глаза Чжао Чэнху, куда более широкие чем прежде, сфокусировались на кончике шариковой ручки.

Его грудь вздымалась, дыхание было тяжёлым и медленным, а руки сжались в кулаки, опасаясь, что ручка вонзится ему в глаз.

Глаза Дин Цзюя забегали по сторонам.

— Значит, если он будет просто молчать, этот приём не сработает?

— С его вспыльчивым и взрывным характером ты когда-нибудь слышал, чтобы он молчал, войдя в комнату для допросов? Капитан Юй, должно быть, говорит что-то такое, что заставляет его задышаться от гнева и разочарования, разделяя его внимание с И Ши. Должно быть, в его голове сейчас царит хаос.

Чжао Чэнху действительно мыслил хаотично. Юй Сюэ вёл бессвязную беседу, не обсуждая дело, а рассуждая о его жизни и семье. Выросший без семейного тепла, он терпеть не мог, когда кто-то вспоминал об этом. Он хотел выругаться, но не мог даже рта раскрыть: стоило ему шевельнуться, как рука И Ши приближалась, оставляя мало места для глазного яблока.

Это было похоже на медленную смерть от тупого ножа, его психическое состояние оставалось крайне напряжённым. В голову лезло множество странных мыслей, и он даже пожалел, что в порыве преданности согласился помочь Пань Даоцзы с похоронами матери.

У Пан Даоцзы всё ещё оставались четыре заложника, и он планировал похитить детей богатых людей, чтобы потребовать деньги на побег. Получив деньги, он уедет в Юго-Восточную Азию и будет вести беззаботную жизнь, а Чжао Чэнху будут пытаться эти двое проклятых полицейских!

А его сыну, которого он видел всего один раз при рождении, было уже почти десять. Он должен выглядеть крепким, верно? Эта сука снова выйдет замуж, хотя он не умер!

Он должен был задушить её ещё тогда и сам воспитывать сына. В конце концов, он уже убил столько, что ещё одна не имела бы значения...

— Чжао Чэнху! — Юй Сюэ внезапно встал и с треском шлёпнул папку на стол. — Где Пань Даоцзы?!

Чжао Чэнху подскочил, его сердце бешено заколотилось, разум помутился, и он инстинктивно ответил:

— Чэнъань...

Рука И Ши быстро опустилась. Чжао Чэнху вздрогнул и поспешно закрыл глаза, крепко сжав кулаки. Его крупное тело даже слегка задрожало, а в голове пронеслись образы выколотых глаз, из которых текла кровь.

Порыв ветра пронёсся мимо его уха, и шариковая ручка оцарапала мочку.

Ожидаемой боли не было, ничего не произошло. Чжао Чэнху медленно открыл глаза и увидел, что И Ши отбросил шариковую ручку и спокойно закатывает рукава.

Юй Сюэ тут же открыл дверь и позвал:

— Быстро проверьте, где Чэнъань!

Ли Чаншэн вскочил, а Дин Цзюй открыл внутреннюю сеть. Мгновением позже он поднял голову и сказал:

— Это недалеко от Хайцзина! На границе с Дэнчаном есть гора Чэнъань!

Чжао Чэнху сидел ошеломлённый, его лицо постепенно искажалось от паники. Что он только что сказал? Неужели он предал Пан Даоцзы?

— Вы, чертовы полицейские, разыгрываете грязные трюки, заставляя меня предать брата! Если у меня будет возможность, я взорву полицейский участок и заставлю вас всех умереть! Проклятье...

И Ши медленно поднял упавшую на пол ручку.

Чжао Чэнху взглянул на неё, его голос постепенно понизился, когда он увидел, что И Ши держит шариковую ручку между пальцами, его глаза были холодными, а губы слегка шевелились.

Трус.

***

Чжао Чэнху забрали, а Юй Сюэ уже связался с хайцзинской стороной. Заложники, скорее всего, находятся на горе Чэнъань, поэтому они срочно отправились на поиски. Они отправились туда ночью.

Было уже за полночь, когда из Наньи в Хайцзин отправился фургон. Водителем оказался член команды, который сегодня не дежурил. Члены группы уголовного розыска сидели на своих местах, от тряски фургона их клонило в сон.

И Ши смотрел в окно на мелькающие мимо уличные фонари. Его бледное, лишённое выражения лицо отражалось в стекле, как традиционная японская маска Но.

Рука протянулась к нему, держа в ладони конфету.

— Съешь её. Ты так долго продержался с низким уровнем сахара в крови, что, наверное, уже устал, — сказал Юй Сюэ.

И Ши взял конфету, развернул блестящую фольгу и отправил её в рот. Через некоторое время он сказал:

— Намного лучше, чем раньше.

Юй Сюэ улыбнулся и сказал:

— Не думай, что я не видел твою медицинскую карту. У тебя почти нет веса. Что ты ешь

каждый день?

И Ши заколебался, не в силах вспомнить, что он ел чаще всего. У него не было особого желания есть, он просто ел, чтобы наполнить желудок, без особых предпочтений или неприязни.

— Рис, яйца, мясо, овощи... — И Ши серьёзно подсчитал, как вдруг услышал, что Юй Сюэ разразился смехом и махнул рукой. — Ладно, ладно, это слишком сложный вопрос для тебя. Я вижу, ты всегда ешь в кафетерии, никогда не заказываешь еду на вынос. Неужели еда в кафетерии лучше, чем то, что готовит тётя Линь?

И Ши честно покачал головой. Тётя Линь была его приёмной матерью. Она позвала его домой на ужин на прошлой неделе, но после случая со взрывом команда работала сверхурочно, чтобы поймать преступников. Он не пробовал стряпню тёти Линь уже более полумесяца.

Юй Сюэ дважды похлопал его по плечу и сказал:

— Быть преданным своему делу — это хорошо, но нужно учитывать и чувства семьи. Время от времени звонить домой — это ведь не плохо, верно?

И Ши безучастно кивнул. Юй Сюэ был старше его на несколько лет, но говорил с ним как старший, не только присматривая за ним в команде, но и часто давая ему жизненные советы, словно беспокоясь, что он не повзрослеет.

Поездка заняла почти пять часов. Почти все в фургоне закрыли глаза, лелея короткий сон, чтобы восстановить силы. И Ши не чувствовал сонливости. Он прислонился головой к окну и закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

Сегодня ночью произошло много событий. Когда он окончательно расслабился, первое, что пришло ему на ум, — это пропавший на горе человек.

И Ши повернул голову и мягко сказал:

— Капитан Юй, насчёт того, кто на горе...

Его голос прервался и постепенно затих. Юй Сюэ, скрестив руки, откинулся на спинку сиденья, глаза его были закрыты, он даже снял очки в золотой оправе.

И Ши отвернулся, чтобы посмотреть в окно. Яркие звёзды проглядывали одна за другой, лунный свет был чистым и ярким, ни облачка.

Наконец-то наступил хороший день.

<http://tl.rulate.ru/book/113760/4324751>